

**ЕЛЕНА
БОРИСЁНОК**

НЕСОВЕТСКАЯ УКРАИНИЗАЦИЯ

**ВЛАСТИ ПОЛЬШИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ
И РУМЫНИИ И «УКРАИНСКИЙ
ВОПРОС» В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Елена Борисёнок

**Несоветская украинизация:
власти Польши, Чехословакии
и Румынии и «украинский
вопрос» в межвоенный период**

«Алисторус»

2018

УДК 327 (470+571)

ББК 66.4(2)

Борисёнок Е. Ю.

Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период / Е. Ю. Борисёнок — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-906995-26-1

После распада империй Романовых и Габсбургов украинское движение предприняло попытку создать собственное национальное государство. На карте революционной Европы появились Украинская Народная Республика, Западно-Украинская Народная Республика, Украинская Держава гетмана Скоропадского. Однако их существование оказалось недолгим. На большей части украинских земель укрепилась советская власть, была образована Украинская ССР и развернута политика украинизации. Западные украинские земли были включены в состав Польши, Чехословакии и Румынии. Перед лидерами этих государств стоял сложный выбор: избрать курс на ассимиляцию украинцев или же, учитывая воздействие советской национальной политики, представить собственный вариант украинизации. Какой же была украинская политика Варшавы, Праги и Бухареста? В книге впервые в российской историографии подробно сравниваются различные модели решения «украинского вопроса» на территории Восточной Европы.

УДК 327 (470+571)

ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-906995-26-1

© Борисёнок Е. Ю., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Введение	6
Степень изученности темы	8
Источниковая база	21
Глава 1	24
§ 1. Накануне глобальных перемен	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Юрьевна Борисёнок

Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период

Введение

Первая половина XX века стала эпохой глобальных изменений на политическом пространстве Восточной Европы. Первая мировая война и последовавший распад Российской империи и Австро-Венгрии поставили на повестку дня вопрос об образовании новых национальных государств. Однако провести государственные границы на востоке Европы, с его полиэтничным и многоконфессиональным населением, оказалось очень сложно. Появившиеся на карте послевоенной Европы новые государства не являлись мононациональными: на этих территориях проживали представители различных этносов, а значительные группы титульной нации оказались в составе населения разных государств. Правительства этих стран должны были решить вопрос о том, прибегать ли к национальной или государственной ассимиляции или признать права нетитульных наций и определить формы и виды самоуправления на определенных территориях.

После распада империй обострился «украинский вопрос». Сторонники «украинской идеи» предприняли попытку формирования национальных государств. О своем существовании заявили Украинская Народная Республика и Западно-Украинская Народная Республика, Украинская Держава гетмана Скоропадского. Однако укрепиться этим государственным образованиям не удалось, и в итоге большинство украинских земель вошло в состав Украинской ССР, а остальная их часть, согласно мирным договорам, заключенным после окончания Первой мировой войны, была включена в состав Польши, Чехословакии и Румынии. Молодые государства столкнулись с необходимостью установления типа государственного устройства на землях, населенных украинцами.

Для западных украинских земель какой-либо автономии не было создано, несмотря на указания, содержащиеся в подписанных после войны мирных договорах. Продолжавшее существовать украинское движение пыталось в меру своих сил бороться за право украинцев на самостоятельное государственное существование. Неудивительно, что деятели украинского движения использовали ослабление Чехословацкого государства в 1938 г. для того, чтобы добиться превращения Подкарпатской Руси в Карпатскую Украину.

Другая ситуация сложилась на Советской Украине. Если в Польше, Чехословакии, Румынии украинцы стали национальным меньшинством, то в УССР – «коренной национальностью». Большевицкая партия объявила о необходимости «исправить» последствия «русификаторской» политики царского правительства, дабы облегчить путь «социалистического строительства». Правительство Советской Украины под руководством центральных властей в Москве взяло курс на украинизацию в рамках общесоюзной политики коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках.

Учитывая активное внимание современного российского общества к украинской проблематике, изучение украинской политики государств, в которых в межвоенные годы компактно проживало украинское население, сравнение различных моделей решения «украин-

ского вопроса» является актуальной научной задачей, поскольку позволяет дать представление о методах национального строительства на восточноевропейском пространстве в межвоенный период, что необычайно важно для понимания закономерностей в развитии полиэтнического государства.

Степень изученности темы

Историография избранной проблемы достаточно специфична. Долгое время отсутствовали специальные исследования, непосредственно посвященные указанной проблематике, что объяснялось как ограниченностью источниковой базы из-за недоступности определенных архивных материалов, так и чрезвычайной политизированностью темы.

В Советском Союзе приоритет в изучении национальной истории принадлежал исключительно союзным республикам. Исследования по истории Украины были сосредоточены в самой УССР, а в центральных научных учреждениях украинские сюжеты затрагивались в рамках общих проблем. В соответствии с актуальной на тот момент версией истории КПСС глорифицировалась советская национальная политика, а украинское национальное движение рассматривалось как буржуазно-националистическое, контрреволюционное. Исследователи не могли вдаваться в подробности, рассказывать о «неудобных» деятелях и интерпретировать украинизацию иначе, чем предусматривала актуальная на тот момент версия истории КПСС. Поэтому в советский период проблема украинизации оставалась малоизученной. При этом подчеркивалось, что политика Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии по украинскому вопросу была захватнической, а борьба трудящихся Западной Украины носила национально-освободительный характер.

Для современной российской историографии характерен взгляд «сверху вниз», в связи с чем обычно ставятся вопросы влияния государства на национальные, экономические, социальные, культурные процессы в регионах, поэтому ощущается дефицит работ, непосредственно посвященных украинской тематике. Это характерно для работ, посвященных изучению положения украинского населения как в Советском Союзе, так и в Польше, Чехословакии и Румынии.

Необходимо отметить явный недостаток исследований российских ученых по украинской проблематике. Тем не менее об актуальности этой темы свидетельствуют появившиеся в последние годы труды обобщающего характера. Усилиями российско-украинской комиссии историков при Президиуме РАН и Президиуме НАНУ были подготовлены коллективные труды. Российские историки под руководством А. О. Чубарьяна подготовили «Очерки истории России» на украинском языке, а украинские специалисты во главе с В. А. Смолием – «Историю Украины» на русском. Украинские коллеги подчеркивают вынужденность советской политики украинизации, указывая, что «Советская Россия завоевала Украину с третьей попытки, однако удерживать ее только военной силой было невозможно. Граждане Украины должны были убедиться в том, что советская власть – это их собственная власть. Представителям этой власти следовало общаться с ними на их родном языке»¹. Положение украинцев в Польше, Чехословакии и Румынии изложено кратко, при этом сделан акцент на развитие украинского национального движения в этих странах, а политика Варшавы, Праги и Бухареста изложена схематично.

В «Очерках истории России» политика центра в отношении Украинской ССР в целом и украинизация в частности не относятся к числу приоритетных тем, что объясняется объективно существующими для такого рода работ ограничениями по объему представляемого материала. Тем не менее в очерках указано, что советская политика «предусматривала национальную консолидацию в границах республик (что отразилось и на политике украинизации в УССР)»².

¹ История Украины. Научно-популярные очерки / Под ред. В. А. Смолия. М., 2008. С. 626.

² Нариси історії Росії / Пер. з рос.; за заг. ред. О. О. Чубаряна. Київ, 2007. С. 644.

В 2015 г. вышла «История Украины»³, написанная российскими историками, членами российско-украинской комиссии И. Н. Данилевским, Т. Г. Таировой-Яковлевой, А. В. Шубиным, В. И. Мироненко. Как подчеркивает во введении А. О. Чубарьян, эта книга является «приглашением группы авторов к диалогу по весьма актуальной и непростой исторической проблеме»⁴. При изучении событий межвоенного периода основное внимание уделяется Советской Украине, тогда как западным украинским землям уделяется значительно меньше внимания. При этом в соответствующем разделе анализируется не столько политика государства в отношении украинских земель, сколько деятельность украинского национального движения. В том же году была издана «История Новороссии» А. В. Шубина, в которой рассмотрены особенности развития юга и востока «современного государства Украины по сравнению с центральными и западными регионами этой страны»⁵.

Среди существующих работ российских ученых в области украинистики следует выделить монографию А. И. Миллера, в которой анализируется процесс принятия властями Российской империи решений в отношении украинского национального движения, столкновение украинского проекта национального строительства с проектом формирования «большой русской нации»⁶. И. В. Михутина изучила проблему становления украинского идейно-политического течения, с оформлением которого в России на протяжении XIX в. возник украинский вопрос, развитие украинской национально-политической программы, восприятие ее российскими политическими силами⁷. Кроме того, исследовательница рассматривает развитие украинского движения после февральской революции, акцентируя внимания на сложных событиях конца 1917 г. – начала 1918 г., когда велись дипломатические переговоры, завершившиеся подписанием мирного договора между Украинской Народной Республикой и государствами Четверного союза⁸. А. В. Шубин в своей работе о Н. И. Махно анализирует сложные события периода Гражданской войны, попытки анархистов воплотить свои идеалы в жизнь. Ученый уделяет внимание оппонентам анархистов – большевикам, белогвардейцам, деятелям украинского движения, также нацеленным на создание независимого государства⁹. А. С. Пученков рассмотрел политические процессы на Украине и в Крыму в 1918 – начале 1919 г.: историю Украинской Державы гетмана П. П. Скоропадского, немецкую оккупацию Украины, идеологию гетманщины, взаимоотношения Скоропадского с российским Белым движением, предпосылки французской интервенции на Юге России и причины ее неудачи, специфику развития революционного процесса в Крыму¹⁰. Авторы очерков «Русские об Украине и украинцах» рассматривают складывавшийся в русском общественном сознании образ украинца с точки зрения его этнической, культурной и языковой принадлежности, места и роли в восточнославянском пространстве. Основное внимание в книге уделено этнокультурному восприятию русским обществом населения украинских земель в связи с процессом формирования и развития в рамках единого государственного пространства различных систем идентичностей (общерусской, национальной, региональной)¹¹.

³ История Украины. СПб., 2015.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Шубин А. В. История Новороссии. М., 2015. С. 3.

⁶ Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века), СПб., 2000.

⁷ Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

⁸ Михутина И. В. Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и Правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007.

⁹ Шубин А. В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Русской революции. М., 2005; *Его же*. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. в России и Украине. М., 2013.

¹⁰ Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013.

¹¹ Русские об Украине и украинцах / отв. ред. Е. Ю. Борисенко. СПб., 2012.

Появились исследования, посвященные украинской советской проблематике¹². А. В. Марчуков в качестве проблемы исследования избрал украинское национальное движение в 1920-1930-е гг., он рассматривает его как историю «конструирования и строительства украинской национальной общности и „Украины“ как особого национально-политического организма, преобразования крестьянского, малорусского, русинского населения в „украинцев“, утверждения среди них украинского национального самосознания и украинской идентичности». Ученый отмечает, что в 1920-1930-е гг. движение «было неоднородно и объединяло представителей разных политических сил – от „петлюровцев“ до украинских национал-коммунистов»¹³. К. С. Дроздов в своей монографии «Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг.» проанализировал механизм регулирования русско-украинских национальных взаимоотношений на территории тех регионов РСФСР, где проживало украинское национальное меньшинство¹⁴. Идеи основы эволюции национальной политики СССР изучил А. И. Вдовин. В центре его внимания – русский народ «как системообразующее ядро новой исторической общности, формирующейся в СССР»¹⁵.

Среди работ, посвященных национально-культурной политике большевиков, следует отметить труды Т. Ю. Красовицкой. Анализируя этносоциокультурную ситуацию в стране, Красовицкая показывает все сложности процесса советской модернизации в полиэтничном государстве, влияние политики большевиков на национальные культуры¹⁶. Особенности проведения советской национальной политики в БССР продемонстрированы в монографии Ю. А. Борисенка: он рассматривает вопросы развития белорусского общества и формирования белорусских государственных структур на фоне межгосударственного и геополитического противостояния между Польшей и Россией в первой половине XX в.¹⁷

Однако особый интерес представляют работы, посвященные Западной Украине. Проблемы польско-украинского пограничья рассмотрены В. Н. Савченко¹⁸. По его мнению, в начале XX в. у коренного восточнославянского населения Галиции имелись три пути дальнейшей национально-культурной эволюции: «1) традиционный, в качестве составной части малорусской ветви общерусской общности; 2) в направлении окатоличивания и полонизации; 3) в направлении украинизации и обособления». При этом последний путь хотя и «представлялся наименее вероятной перспективой», тем не менее именно он начал реализовываться. При этом «укаинофильство окончательно восторжествовало» после «присоединения почти всей Восточной Галиции к УССР в 1939 г.», с началом советской украинизации края¹⁹.

¹² Недостаточно работ, посвященных проблеме советской украинизации. По существу, сослаться можно лишь на наши работы, напр. «Феномен советской украинизации» (М., 2006), а также статьи, опубликованные в журналах «Славяноведение», «Отечественная история», «Родина» и других изданиях начиная с 1998 г.

¹³ Марчуков А. В. Украинское национальное движение; УССР. 1920-1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 544, 549. В 2015 году вышло второе издание книги, причем «при переиздании было решено не вносить изменения в ее текст» (Марчуков А. В. Украинское национальное движение. УССР. 1920-1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 9). Отсутствие изменений в тексте касается и раздела историографии.

¹⁴ Дроздов К. С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.). М.; СПб., 2016.

¹⁵ Вдовин А. И. Русские в XX в. М., 2004; Его же. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа М., 2013.

¹⁶ Красовицкая Т. Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925. М., 1992; Ее же. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. М., 1998; Ее же. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.): Документы и материалы. М., 2007; Ее же. Модернизации российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – 1920-е годы). М., 2011.

¹⁷ Борисенко Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013.

¹⁸ Савченко В. Н. Восточнославянское польское пограничье, 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.

¹⁹ Савченко В. Н. Восточная Галиция на историческом перепутье: 1910 – начало 1920-х годов // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 181–182.

В 2016 г. вышла монография М. Э. Клоповой, посвященная истории национальных движений восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века²⁰. Основное внимание в исследовании уделено соперничеству украинского и русофильского направлений, влиянию на общественно-политическую жизнь Восточной Галиции позиции галицийской администрации и имперского правительства, польского национального движения, а также австро-российских отношений.

Российские слависты также уделяют внимание украинскому вопросу в политике Польши и Чехословакии в межвоенный период. Прежде всего, следует отметить труды известного российского полониста Г. Ф. Матвеева и, прежде всего, его биографию польского политического деятеля Ю. Пилсудского²¹. Для нашей проблемы заслуживают внимания исследованные Матвеевым сюжеты, связанные с формированием границ II Речи Посполитой и борьбой между поляками и украинцами за обладание Восточной Галицией, а также польско-советской войной. Немало внимания украинским сюжетам уделено и при рассмотрении российским историком внутренней политики Польши в 1920-1930-е гг., в том числе операции так называемого «умиротворения» в Восточной Галиции 1930 г. Стоит отметить также его исследование положения военнопленных красноармейцев в Польше²², а также его многочисленные статьи и публикации.

С. В. Ольховский рассматривает «волынский эксперимент» как модель сосуществования польского и украинского общества во II Речи Посполитой: «В Галиции украинское самосознание сформировалось на платформе негативной оценки всего исторического опыта польско-украинских отношений и вооруженной борьбы за создание независимой Украины, при этом относительная непопулярность сепаратистских идей среди украинцев Волыни давала польской администрации шанс реализации иного сценария – формирования лояльного государству украинского движения»²³. Как отмечает Е. В. Бондаренко, идейно-концептуальной основой «волинской программы» было то, что «она преследовала цель создать на территории воеводства своеобразный анклав польско-украинского общежития и согласия», для чего «предполагалось привлекать украинцев, и прежде всего деятелей бывшей УНР, к политической жизни страны путем расширения их участия в деятельности законодательных органов, органов местной администрации и самоуправления, кооперативных организаций»²⁴. Большой интерес представляют работы Т. М. Симоновой, посвященные идеям польского прометеизма, предполагавшим руководящую роль польского государства в Восточной Европе и направленным главным образом против России²⁵.

К. К. Федевич доказывает, что польско-украинские отношения в межвоенном польском государстве не сводились к противостоянию, а в значительной мере представляли собой историю мирного сосуществования, взаимодействия и взаимной адаптации. При этом «наивыс-

²⁰ Клопова М. Э. Русины, русские украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016.

²¹ Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008.

²² Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.

²³ Ольховский С. В. Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4. С. 272.

²⁴ Бондаренко Е. В. «Волинская программа» Г. Юзефского: сущность и проблемы реализации (1928–1938 гг.) // Право и политика. 2014. № 6 (174). С. 851–852.

²⁵ Симонова Т. М. Именем революции: мир и счастье – на штыках // Родина. 2000. № 10. С. 59–62; *Ее же*. «Прометезим» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919–1926 годах // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета: материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И. А. Воронкова (1921–1983). М., 2001. С. 119–131; *Ее же*. Стратегические замыслы начальника польского государства Юзефа Пилсудского: прометеизм во внешней политике Польши в 1919–1923 гг. // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 42–48; *Ее же*. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63; *Ее же*. «Мы бесподанные безгосударственники...» Россияне в межвоенной Польше // Родина. 2007. № 2. С. 75–81; *Ее же*. Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013.

шего уровня процессы государственной интеграции галицких украинцев в Польшу достигли в середине 1930-х гг., когда самые влиятельные политические силы Восточной Галичины Украинское национально-демократическое объединение и греко-католическая церковь присоединились к правящему лагерю Польши и помогли ему в борьбе с польской политической оппозицией в обмен на поддержку лояльных украинских политических, культурных и деловых структур»²⁶.

Среди работ, посвященных анализу положения восточнославянских земель в составе межвоенной Чехословацкой Республики, следует выделить труды К. В. Шевченко. Рассматривая проблему развития альтернативных этнических идентичностей у восточнославянских народов, исследователь подчеркивает, что «в межвоенный период Карпатская Русь оказалась единственным уцелевшим после Первой мировой войны и распада Российской империи островком, на котором продолжала существовать и развиваться идея общерусского этнокультурного и языкового единства. Если в СССР взгляд на восточных славян как на три отдельных народа – русских, украинцев и белорусов – был принят в качестве единственно правильного и навязывался всей мощью советской пропаганды и административной системы, то среди карпатских русинов, вошедших в межвоенный период в состав Чехословакии и Польши, сохранялась отвергнутая в СССР идея общерусского единства, а противоборство между различными национальными ориентациями протекало в более естественных условиях»²⁷.

Несомненный интерес представляет монография А. И. Пушкаша, в которой перипетии внутренней жизни карпатского региона рассмотрены на фоне сложной международной обстановки. Анализируя события 1938–1939 гг., автор приходит к выводу, что внешний фактор оказывал определяющее влияние на события в этом регионе. Так, «перемены в Карпатской Украине в первые месяцы 1939 года проходили под влиянием внешнего фактора – гитлеровской Германии»²⁸.

Проблемы, связанные с историей, культурой и идентичностью карпатских русинов²⁹, изучает М. Ю. Дронов. Особое внимание исследователь уделяет роли Греко-католической церкви в процессах формирования этнонациональной идентичности русинов³⁰. Исследователь пришел к выводу, что в Карпатском регионе украинская идентичность «являлась дальнейшим развитием... малорусской идентичности. Под влиянием информации об успехах украинской национальной идеи в других регионах (в частности, в Галиции) переход от малорусскости к украинству трактовался как природный процесс для всех тех, кого еще недавно относили к малороссам»³¹. При этом М. Ю. Дронов отмечает изначальную искусственность и малую популярность малорусской идентичности на южных склонах Карпат.

В. В. Марьина, рассматривая историю присоединения Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к Советскому Союзу (Советской Украине), уделяет внимание событиям 1938–1939 гг. В частности, она отмечает, что А. Волошин и его сторонники «разрабатывали грандиозные планы превращения Подкарпатской Руси в своего рода „украинский Пьемонт“, согласно которым она должна была стать центром объединения украинцев из Польши, Румынии и Советского Союза. Создание „Великой Украины“ мыслилось при поддержке и под протекто-

²⁶ Федевич К. К. Галицькі українці у Польщі 1920–1939 (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920-1930-ті рр.). Київ, 2009. С. 270.

²⁷ Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 383.

²⁸ Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М., 2006. С. 270.

²⁹ В данной связи нельзя не упомянуть «Энциклопедию Подкарпатской Руси» И. И. Попа: *Поп И. И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001; 2-е изд. Ужгород, 2006.

³⁰ Дронов М. Ю. Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938). Дисс... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2013.

³¹ Там же. С. 54.

ратом нацистской Германии»³². Анализируя «украинский фактор» накануне и в начале Второй мировой войны, А. Ф. Носкова подчеркивает, что «оформление и подъем украинского движения за рубежом, как, впрочем, и всей антисоветской эмиграции, его локализация в соседней Польше не могли не рассматриваться в Москве как серьезная угроза для стабильности СССР и советской Украины в особенности. В этой связи среди известных побудительных причин, которыми ученые объясняют действия И. В. Сталина летом 1939 г., на мой взгляд, не достает такого мотива, как намерение нейтрализовать опасное влияние ОУН на подъем украинского сепаратизма в УССР путем включения в состав СССР тех территорий, где украинцы составляли значительную часть смешанного населения»³³.

Таким образом, в современной российской историографии отчетливо проявляются тенденции найти взвешенный, объективный подход к сложным реалиям восточноевропейской истории 1920-1930-х гг. Накопленный отечественными исследователями опыт в изучении данной проблематики уже достаточно обширен и требует сопоставления с конкретным фактическим материалом по истории Украинской ССР, Восточной Галиции, Подкарпатской Руси, Буковины и Бессарабии.

Начиная с 1920-х гг., об украинизации писали зарубежные ученые. Особенно активны были представители украинской диаспоры, затрагивавшие в своих трудах различные аспекты культурной жизни и национального строительства. В многочисленных публикациях нашли отражения события революции и гражданской войны на Украине, советская политика украинизации и политика в отношении украинского вопроса в странах Восточной Европы в межвоенный период. Несмотря на то что диаспорная историография насчитывает значительное количество работ, проблема положения украинцев в восточноевропейских странах в них не нашла объективного изложения. Если деятельность правительств УНР, ЗУНР, Украинской Державы освещалась в зависимости от политических предпочтений автора, то советские реалии получали в основном негативную оценку. Их авторы представляли альтернативный советской литературе подход и, стремясь изложить свое видение национально-культурного процесса 1920-1930-х гг. и одновременно разоблачить своих идеологических противников, впадали в крайность.

Украинская тематика затрагивалась и западными учеными неукраинского происхождения: за рубежом активно развивалась советология. Отсутствие доступа к официальным документам и ограниченность источниковой базы, с одной стороны, и формирование образа СССР как образа врага в условиях «холодной войны» заставляет с осторожностью подходить к такого рода работам.

Впрочем, это обстоятельство отнюдь не исключает наличия перспективных идей у зарубежных специалистов. Так, уже в 1929 г. У. Р. Бэтселл доказывал, что советская национальная политика является тактическим маневром для привлечения поддержки нерусского населения СССР. Оказывая в целом благотворное влияние, эта политика была связана с лояльностью тех или иных народов по отношению к советской власти, но одновременно была потенциально опасна для центрального руководства, поскольку формировавшиеся местные элиты рано или поздно поставят вопрос о самостоятельности «своих» территорий³⁴.

После Второй мировой войны, с конца 1940-х до середины 1980-х гг., появилось немало зарубежных исследований, посвященных истории Советского Союза, в которых так или иначе трактовалась и национальная проблематика. Так, в работах И. Дойчера, Р. Пайпса, Э. Х. Карра национальная политика СССР рассматривалась как производная от более широких

³² *Марына В. В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003. С. 7.

³³ *Носкова А. Ф.* Национальные меньшинства в Восточной Европе: геополитический ракурс проблемы (от Первой ко Второй мировой войне) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. СПб., 2011. С. 159.

³⁴ *Batsell W. R.* Soviet rule in Russia. New York, 1929.

задач советской власти³⁵. Несомненный интерес представляют работы А. Инкелеса, Р. А. Бауэра, М. Фэйнсоды³⁶. А. Инкелес сделал вывод, что жизненные условия украинца в советской системе и его реакция на эту систему в первую очередь определены не его национальностью, а статусом советского гражданина и принадлежностью к определенному классу. Р. Салливант отмечал, что украинизация призвана была привлечь на сторону Сталина одну из крупнейших региональных партийных организаций – КП(б)У³⁷.

Следует учитывать, что с середины 1980-х гг., т. е. в период перестройки, а затем распада Советского Союза, национальная проблематика оказалась весьма востребованной, в связи с чем все больше ученых сосредотачивалось на украинской проблематике. В 1988 г. О. Субтельный, канадский историк украинского происхождения, издал свою известную книгу «Украина. История»³⁸, которая уже в 1991 г. была опубликована на украинском языке, а затем неоднократно переиздавалась на Украине. По оценке А. В. Портнова, «написанная как синтез украинских схем национальной истории и новейших идей западной историографии, книга Субтельного стала настоящим бестселлером»³⁹.

В 1996 г. вышла еще одна, не менее известная «История Украины», автором которой является канадский историк с русинскими корнями П. Р. Магочи⁴⁰. Эта работа, как и монография по истории Подкарпатской Руси⁴¹, были переизданы затем на украинском языке. Профессор Гарвардского университета С. Плохий называет «Историю Украины» Магочи «первой серьезной попыткой написать территориальную, многоэтническую и мультикультурную историю Украины», причем считает ее альтернативой более традиционного нарратива Ореста Субтельного⁴².

Украинская проблематика в последние годы становится все более популярной. Так, в 2015 г. в Праге была издана «История Украины», написанная Я. Рыхликом, Б. Зилинским и П. Р. Магочи⁴³. Стоит упомянуть также труды Дж. Мейса, в которых рассмотрена проблема формирования «национал-коммунизма», подчеркнута большая роль последнего в проведении украинизации⁴⁴, а также работу Дж. Либера, посвященную проблеме модернизации и урбанизации в УССР. В этой связи Либер подчеркивал смещение фокуса украинской идентичности из сельской местности в город⁴⁵. Р. Кайзер отмечает значение установления границ Украинской ССР, поскольку «территориализация» украинского государства способствовала росту национального самосознания украинцев⁴⁶. Р. Г. Суни считает национальный вопрос относительно самостоятельной, но неотъемлемой частью проблем советского государства, он утверждает, что коренизация без НЭПа была так же невозможна, как НЭП без коренизации. СССР в его представлении одновременно и устранял политический суверенитет национальностей,

³⁵ *Deutscher I.* Stalin: A Political Biography. London, 1949; *Carr E. H.* A History of Soviet Russia. Vol. 1: The Bolshevik Revolution, 1917–1923. London, 1950; *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, 1954.

³⁶ *Fainsod M.* How Russia is Ruled. Cambridge, 1953; *Inkeles A., Bauer R. A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge; London, 1959.

³⁷ *Sullivant R.* Soviet Politics and the Ukraine 1917–1957. New York, 1962.

³⁸ *Subtelny O.* Ukraine: A History. Toronto, 1988.

³⁹ *Портнов А. В.* Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2004. № 4 (36). С. 86.

⁴⁰ *Magocsi P. R.* A History of Ukraine. Toronto, 1996.

⁴¹ *Magocsi P. R.* The Shaping of A National Identity: Subcarpathian Rus', 1848–1948. London; Cambridge, 1978; *Магочій П.-Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994; *Магочій П.-Р.* Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012.

⁴² *Плохий С. М.* Якої історії потребує сучасна Україна? // Український історичний журнал. 2013. № 3. С. 7.

⁴³ *Rychlík J., Zilynskyj B., Magocsi P.-R.* Dějiny Ukrajiny. Praha, 2015.

⁴⁴ *Mace J. E.* Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine 1918–1933. Cambridge, 1983.

⁴⁵ *Liber G.* Soviet nationality policy, urban growth and identity change in the Ukrainian SSR 1923–1934. Cambridge, 1992.

⁴⁶ *Kaiser R. J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. New York, 1994.

и гарантировал им территориальную идентичность, учреждения образования и культуры на родном языке и продвижение коренных кадров к властным позициям⁴⁷. М. Малиа оценивает коренизацию как имплантацию советских институтов в нерусские культуры⁴⁸. Американский ученый украинского происхождения Р. Шпорлюк подчеркивает, что интернационалистская национальная политика сделала коммунизм и советскую форму правления более восприимчивыми для нерусских территорий, позволила советской власти достичь взаимопонимания с крестьянством и национальной интеллигенцией⁴⁹. Д. Л. Бранденбергер рассматривает изменения в партийной идеологии во второй половине 1930-х гг., анализирует развитие идеологии «национал-большевизма» вплоть до середины 1950-х гг., ее внедрение в массовое сознание через образовательные и культурные учреждения⁵⁰. Канадский историк с украинскими корнями С. Екельчик посвятил свою монографию интерпретации прошлого в украинской науке и культуре сталинского времени, автор анализирует изменения в официальной политике памяти в 1930-е гг.: как в политических выступлениях, научных трудах, романах, пьесах, операх, картинах, памятниках и праздниках было представлено прошлое украинцев и как изображались русско-украинские отношения⁵¹.

Большое внимание научного сообщества привлек труд Т. Мартина. Американский ученый обращает внимание на определенную преемственность СССР и развалившейся Российской империи, подчеркивает систематичность нациестроительства большевиков. В отношении формы национального устройства Советского Союза этот автор предлагает использовать термин «империя позитивного действия». Ученый убедительно доказывает, что советская политика носила активный характер, поддерживая создание и развитие национальных территорий, элит, языков и культурных учреждений⁵².

Американский исследователь Т. Снайдер посвятил одну из своих книг Г. Юзевскому⁵³. «Волынский эксперимент» этот автор анализирует с точки зрения межвоенного польско-советского противостояния: обе стороны стремились использовать украинский вопрос, считая его слабым местом противника, причем политика Юзевского в определенной степени копировала советскую украинизацию.

В современной польской историографии следует отметить труды, посвященные политике воеводы Г. Юзевского на Волыни. «Волынский эксперимент» обычно трактуется как пример «польско-украинского понимания»⁵⁴. А. Хойновский рассматривает деятельность волынского воеводы как попытку реализации в новых исторических условиях федеративной концепции Пилсудского⁵⁵. Е. Томашевский проанализировал межнациональные отношения в межвоенной

⁴⁷ *Suny R. G. The Soviet Experiment: Russia, the USSR and Successor States. New York, 1998; Suny R. G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.*

⁴⁸ *Malia M. The Soviet Tragedy: a History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1996.*

⁴⁹ *Шпорлюк Р. Імперія та нації (з історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусі). Київ, 2000.*

⁵⁰ *Brandenberger D. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, 2002; Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.*

⁵¹ *Yekelchik S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto, 2004; Екельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008.*

⁵² *Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca and London, 2001; Мартин Т. Імперія «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.*

⁵³ *Snyder T. Sketches from a Secret War. A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine. New Haven, 2005; Snyder T. Tajna wojna. Henryk Józewski i polsko-sowiecka rozgrywka o Ukrainę. Kraków, 2008. См. также рецензию на книгу Т. Снайдера: Борисёнок Ю. Романтик с Андреевского спуска // Родина. 2009. № 5. С. 47–50.*

⁵⁴ *Chojnowski A. Ukraina. Warszawa, 1997; Olszański T. A. Historia Ukrainy XX w. Warszawa, 1995. S. 145; Paruch W. Od konsolidacji państwowej do konsolidacji narodowej: mniejszości narodowe w myśli politycznej obozu piłsudczykowskiego (1926–1939). Lublin, 1997. S. 202–203.*

⁵⁵ *Chojnowski A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939. Wrocław, 1979.*

Польше⁵⁶. Р. Тожецкий, изучив национальную политику «санационных правительств», отметил, что «волынская программа» Г. Юзевского была результатом поисков путей решения украинской проблемы в Польше⁵⁷. Историк из Белостока Е. Миронович, рассматривая национальные аспекты польской политики (по словам исследователя, они относились к числу наиболее трудных в межвоенный период), подчеркивает различие политических методов, применяемых в Галиции и Волини. Юзевский, по словам Мироновича, был убежден в возможности строительства на территории Волини реального польско-украинского союза, который мог быть достигнут при помощи украинских организаций пропольской ориентации⁵⁸.

Политику польских правительств относительно украинского населения Волини в 1920-1930-х гг. освещают труды В. Менджецкого и Я. Кенсика⁵⁹. Менджецкий считает, что для Юзевского украинцы были отдельным народом, который имел право культивировать собственную культуру и язык, поэтому решение украинской проблемы он усматривал в участии поляков в процессе формирования украинской нации: миссия обеих наций заключалась в общем противостоянии смертельному врагу – имперской России – в духе соглашения Пилсудского – Петлюры 1920 г.⁶⁰

От украинцев, проживавших в Польше, требовались лояльность и признание прав Польши на Восточную Галицию и Западную Волинь. В этом случае администрация Юзевского готова была поддерживать украинские общественные, культурные, хозяйственные и даже политические инициативы⁶¹. При этом проукраинские симпатии волынского воеводы наталкивались на противодействие местного польского общества, в частности, римско-католического клира Волини, для которых Волинь была не «польско-украинской», а польской территорией, а украинцы – внутренним врагом⁶².

Я. Кенсик написал политическую биографию Г. Юзевского. В своей концепции Юзевский, как считает польский исследователь, пытался соединить принципы политики государственной ассимиляции с идеологией 1920 г. и федеративно-прометеевской программой⁶³. Т. Голувко и Г. Юзевский рассматривали проблему создания «украинского Пьемонта на Волини» сквозь призму реализации восточной политики Польши⁶⁴.

П. Ставеский опубликовал ряд неизвестных ранее документов о национальной политике Юзевского на Волини⁶⁵. З. Запоровский проанализировал процесс возникновения, организационную структуру и идеологию Волынского украинского объединения (ВУО), его культурно-образовательную, хозяйственную и парламентскую деятельность. Польский исследователь настаивает, что ВУО было национальной, центристской и региональной украинской партией, которая «реализовала позитивную программу, полезную как для государства, так и для своего общества»⁶⁶.

Многие постулаты из работ зарубежных исследователей, в первую очередь представителей диаспоры, были восприняты современными украинскими учеными. Большое внимание

⁵⁶ Tomaszewski J. Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1985.

⁵⁷ Torzecki R. Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989.

⁵⁸ Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowski. Białystok, 2007. S. 152.

⁵⁹ Mędrzecki W. Województwo Wołyńskie. 1921–1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych. Wrocław, 1988; Kęsik J. Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego 1892–1981. Wrocław, 1995.

⁶⁰ Mędrzecki W. Województwo Wołyńskie 1921–1939: Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych. S. 147–148.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Mędrzecki W. Inteligencja polska na Wołyniu w okresie międzywojennym. Warszawa, 2005. S. 212–213.

⁶³ Kęsik J. Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego 1892–1981. S. 89.

⁶⁴ Ibid. S. 90.

⁶⁵ Stawski P. Polityka wołyńska Henryka Józewskiego w świetle nieznanych źródeł z lat 1935–1936 // Przegląd Wschodni. 1997. T. 4. Z. 1 (13). S. 179–209.

⁶⁶ Zaporowski Z. Wołyńskie Zjednoczenie Ukraińskie. Lublin, 2000. S. 109, 157.

они уделяют политике УНР, Украинской Державы гетмана Скоропадского⁶⁷, отмечая украинизационные усилия правительств этих государственных образований, особенно в области образования и культуры. Существенное внимание уделяется и истории Карпатской Украины 1938–1939 гг.⁶⁸ Украинские ученые доказывают, что правительство А. Волошина с октября 1938 г. до середины марта 1939 г. проводило большую украинизационную работу, причем немалые усилия, предпринимавшиеся по украинизации государственного аппарата и учебных, культурных учреждений, фактически были превышением правительственных полномочий. Как отмечает В. Лемак, правительственное распоряжение от 25 ноября 1938 г. о внедрении в Подкарпатской Руси государственного украинского языка и распоряжение от 30 декабря об употреблении названия края «Карпатская Украина» противоречили «Конституционному закону об автономии Подкарпатской Руси» от 22 ноября 1938 г., согласно которому название территории, официальный язык и язык обучения должен был установить Сейм Подкарпатской Руси⁶⁹. Исследователи указывают, что распоряжения правительства активно претворялись в жизнь и часто выступали даже источником противостояния между чехами и украинцами.

Современные украинские историки активно занимаются проблематикой, касающейся польско-украинских взаимоотношений. При этом польская политика нередко расценивается как политика угнетения украинского народа, а основной акцент делается на борьбе украинцев за свое освобождение. Основное внимание украинских исследователей приковано к Восточной Галиции, тем не менее волинская проблематика затрагивается в работах, посвященных положению украинских земель в Польше и украинскому национальному движению в межвоенный период⁷⁰.

Украинские историки приступили и к изучению «волинского эксперимента» Юзевского. Этим направлением активно занимается Ю. В. Крамар⁷¹. Украинский историк воспринимает политику Г. Юзевского как попытку решения украинского вопроса в Польше. Главной целью

⁶⁷ Об историографии этой проблемы см.: *Великошій В. С.* Українська історіографія суспільно-політичних процесів у Галичині 1914–1919 рр. Івано-Франківськ, 2009; *Капелюшний В. П.* Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917–1921 рр.). Київ, 2003; *Радченко Л. О.* Сучасна історіографія національно-демократичної революції в Україні 1917–1920 років. Харків, 1996; *Солдатенко В. Ф.* Українська революція: Концепція та історіографія. Київ, 1997; *Солдатенко В. Ф.* Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). Київ, 1999; *Українська революція і державність (1917–1920 рр.): наук. бібліогр. вид.* Київ, 2001.

⁶⁸ Нариси історії Закарпаття / Ред. Гранчак І., Болдижар М. Т. II: 1918–1945. Ужгород, 1995; *Веґеш М. М.* Карпатська Україна. Документи і факти. Ужгород, 2004; *Веґеш М., Задорожний В.* Велич і трагедія Карпатської України: історико-популярний нарис. Ужгород, 1993; *Веґеш М., Гиря В., Король І.* Угорська іредента на Закарпатті між двома світовими війнами (1918–1939 рр.). Ужгород, 1998; *Болдижар М., Болдижар С.* Державність на Закарпатті: події, факти, оцінки. Ужгород, 2003; *Закарпаття в етнополітичному вимірі.* Київ, 2008; *Закарпаття 1919–1920 років: історія, політика, культура.* Ужгород, 2010; и др.

⁶⁹ *Лемак В.* Карпатська Україна 1938–1939 років: державно-правовий аспект. Ужгород, 1993. С. 29–31.

⁷⁰ См.: *Історія Волині. XX – початок XXI ст.: краєзнавчий бібліографічний покажчик.* Луцьк, 2011.

⁷¹ *Крамар Ю. В.* Політика державної асиміляції на Волині (1928–1938 роки): Дисс... канд. іст. наук: 07.00.02. Луцьк, 1998; *Его же.* Національні меншини в політиці воєводської адміністрації Г. Юзевского на Волині: (1928–1938 рр.) // *Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки.* 2000. № 1: Іст. науки. С. 83–88; *Его же.* Освітня політика воєводської адміністрації Г. Юзевского на Волині // *Зб. навч.-метод. матеріалів і наук. ст. іст. ф-ту Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки.* Вип. 5. Луцьк, 2000. С. 97–102; *Его же.* Політика польської адміністрації щодо національних меншин на Волині у міжвоєнний період // *Друга світова війна і доля народів України: матеріали 2-ї Всеукр. наук. конф.* Київ, 2007. С. 332–342; *Его же.* Проблема неонуї на Волині у міжвоєнний період // *Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки.* 1998. № 1: Іст. науки. С. 68–73; *Его же.* Реалізація земельної реформи у Волинському воєводстві адміністрацією Г. Юзевского (1928–1938) // *Минуле і сучасне Волині. Олександр Цинкаловський і край: матеріали ІХ наук. іст.-краєзн. міжнар. конф.* Луцьк, 1998. С. 253–257; *Его же.* Рух за українізацію православної церкви на Волині у міжвоєнний період // *Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки.* 2002. № 3. С. 126–132; *Его же.* Українське початкове шкільництво на Волині у 1921–1926 роках // *Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки.* Луцьк, 1997. № 3: Історія. С. 43–46; *Его же.* Участь українських політичних партій у парламентських виборах 1930 року на Волині // *Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки.* 2007. № 1: Іст. науки. С. 198–204; *Его же.* Політика воєводи Г. Юзевского стосовно української кооперації на Волині у міжвоєнний період // *Український селянин: зб. наук. пр. Вип. 8 Спеціальний: Матеріали V Всеукраїнського симпозиуму з проблем аграрної історії.* Черкаси, 2004. С. 240–244; *Его же.* Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області) // *Архіви України.* 2013. № 3. С. 115–126.

политики, по мнению исследователя, была интеграция воеводства в состав II Речи Посполитой, а суть «волинского эксперимента» заключалась в том, чтобы «выработать у украинцев чувство принадлежности к польскому государству путем их политической ассимиляции», изменить характер польско-украинских отношений на Волини, добиться сотрудничества представителей обоих народов в политической, экономической и культурно-образовательной жизни⁷².

М. Кучерепа и Р. Давидюк исследовали историю ВУО⁷³. Рассматривая объединение как политическую базу Г. Юзевского, историки подчеркивают, что эта организация, будучи элементом «волинской программы», способствовала нарушению единства украинского национального движения. Однако в то же время ВУО оценивается как партия центристского направления, которая представляла новое направление национально-конструктивной работы, легальной борьбы за свои права⁷⁴.

Проблемам становления украинской элиты на Западной Волини посвящена монография И. Скакальской⁷⁵. Подчеркивая ассимиляционный характер политики польского правительства, автор значительное внимание уделяет освещению методов, использовавшихся властью для полонизации края, в том числе мерам репрессивного характера в отношении украинских общественных и политических деятелей. Историк подчеркивает, что политическая элита Волини не была однородной. Автор выделяет националистический лагерь, целью которого было завоевание независимости, соглашательский, настроенный на сотрудничество с польскими властями, и, наконец, среди волинской элиты были и те, кто ориентировались на внешние силы (например, коммунисты). Подобный раскол, по мнению Скакальской, ослаблял позиции украинской элиты в обществе⁷⁶.

Украинские историки рассматривают программу Юзевского не только в дихотомии национальной или государственной ассимиляции. Так, Я. Грицак прямо указывает, что «Пилсудский брался противопоставить советской украинизации украинизацию польскую. Волинский эксперимент должен был убедить украинцев из СССР, что Варшава заботится об украинцах больше, чем Москва»⁷⁷. В своей рецензии на книгу Т. Снайдера Грицак предлагает рассматривать «волинский эксперимент» с точки зрения политической модернизации Восточной Европы: «После распада Российской и Австро-Венгерской империй модернность тут выступала в форме двух моделей: коммунистической и националистической. В целом эти модели враждовали, но время от времени творили странные гибриды – такие как СССР или послевоенная Польская Народная Республика. „Волинский эксперимент“ предлагал третью модель: либеральную. Соответственно, Юзевский пытался строить на Волини не бесклассовое общество (как этого хотели коммунисты), не интегральную нацию (как этого хотели националисты), а мультикультурное сообщество, в котором этнические, языковые, религиозные и другие различия не стирались бы, а к ним проявляли бы толерантность или даже поддерживали»⁷⁸.

Однако больше всего работ посвящено изучению национально-культурных процессов в УССР в 1920-1930-е гг. Было опубликовано множество статей, появились монографии и разделы в общих трудах, в которых украинские исследователи анализировали причины украини-

⁷² Крамар Ю. В. Політика державної асиміляції на Волині (1928–1938 роки). Автореф. дисс... канд. іст. наук: 07.00.02. Львів, 1998. С. 16.

⁷³ Кучерепа М., Давидюк Р. ВУО: Волинське українське об'єднання: (1931–1939 рр.). Луцьк, 2001; Давидюк Р. Розмежування Західної Волині та Східної Галичини як складова «волинського експерименту» Генрика Юзевського // Сучасна українська держава: історичні імперативи становлення, тенденції та проблеми розвитку. Київ, 2006. С. 498–509.

⁷⁴ Кучерепа М., Давидюк Р. ВУО: Волинське українське об'єднання: (1931–1939 рр.). С. 26–38.

⁷⁵ Скакальська І. Б. Політико-соціальні виміри та етнокультурні трансформації української еліти Західної Волині 1921–1939 рр. Тернопіль, 2013.

⁷⁶ Skakalska I., Shvalyuk I. Национальная элита Западной Волини межвоенного периода XX века: источники формирования // Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego. 2013. № 27. S. 614.

⁷⁷ Грицак Я. Страсті за націоналізмом: стара історія на новий лад. Есеї. Київ, 2011. С. 203.

⁷⁸ Там же. С. 201–202.

зации, ее цели, формы, последствия, обращали внимание на процессы украинизации в области просвещения и культуры. Увидели свет монографии, в которых речь шла о роли интеллигенции в национально-культурном строительстве⁷⁹, формировании и функционировании партийной и советской номенклатуры⁸⁰, социоэкономических и социокультурных процессах в контексте национальной политики⁸¹, изменениях в национально-культурной политике в 1930-е гг.⁸² Украинизация рассматривается и в рамках всей республики⁸³, и в рамках отдельных ее регионов⁸⁴, и в политических портретах деятелей этого периода⁸⁵. В 2003 г. появилось обобщающее коллективное исследование (авторский коллектив – В. М. Даниленко, Я. В. Верменич, П. М. Бондарчук, Л. В. Гриневиц, О. А. Ковальчук, В. В. Масненко, В. М. Чумак) «„Украинизация“ 1920-30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки», где весьма подробно рассматривается политика украинизации в различных областях жизни – партийных и государственных органах, системе просвещения, науки, периодических изданиях, армии и др.⁸⁶

В украинской историографии советская украинизация трактуется как политика, направленная на укрепление советского строя в условиях активизации национальных процессов в республике. При этом украинизация для большевиков была лишь временной уступкой, средством укрепления власти на Украине.

Немало внимания современные украинские историки уделяют и событиям 1939 г. на Западной Украине. Одной из первых попыток показать все сложности процесса ее интеграции в советскую систему сделали А. С. Рублев и Ю. А. Черченко⁸⁷. Обобщающей работой, в которой рассматриваются события 1939 г., является монография М. Р. Литвина, А. И. Луцкого, К. Е. Науменко⁸⁸. Как утверждают авторы, форсированная интеграция Западной Украины в систему «казарменного социализма» сопровождалась репрессиями, нарушениями закона и прав человека, социальными, экономическими деформациями⁸⁹. Поэтому, как считают украинские ученые, присоединение Западной Украины сыграло двойственную роль. Как пишет Н. Ю. Чоповский, с одной стороны, присоединение объективно отвечало вековым стремлениям украинского народа к независимости и соборности, а с другой – этот акт произошел без участия украинского населения, был следствием сговора Сталина и Гитлера, для которых националь-

⁷⁹ См., напр.: Нариси історії української інтелігенції (перша половина ХХ ст.) / С. І. Білокінь, О. Д. Бойко, Г. С. Брега, інш.; відп. ред. Ю. О. Курносов. У 3 кн. Київ, 1994; *Комаренко Т. О., Штович М. А.* Влада і мистецька інтелігенція Радянської України; 20-ті роки ХХ ст. Київ, 1999; *Кузьменко М. М.* Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20-30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004; *Бачинський Д. В.* Українізація 1920-х – початку 30-х років та інтелігенція: навч. посіб. Чернівці, 2009; и др.

⁸⁰ См., напр.: *Вигovskyй М. Ю.* Номенклатура системи освіти в УСРР 1920-1930-х років: соціальне походження, персональний склад та функції. Київ, 2005; *Лозицький В. С.* Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). Київ, 2005; *Дорошко М. С.* Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). Київ, 2008; и др.

⁸¹ См., напр.: *Новохатько Л. М.* Національний аспект доктрини «соціалістичної реконструкції»: спроба історико-теоретичного переосмислення. Київ, 1997; *Новохатько Л. М.* Проблеми соціально-економічного і культурного розвитку України в контексті національної політики (20-30-ті рр. ХХ ст.). Київ, 1998; и др.

⁸² См., напр.: *Кручек О. А.* Становлення державної політики УСРР у галузі національної культури (1920–1923 рр.). Київ, 1996; *Бондарчук П. М.* Національно-культурна політика більшовиків в Україні на початку 1920-х років. Київ, 1998; *Єфіменко Г. Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938). Київ, 2001; и др.

⁸³ См., напр.: *Цвілюк С. А.* Українізація України: тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. Одеса, 2004. 200 с. Вид. 2-ге, переробл. й доп. Одеса, 2009.

⁸⁴ См., напр.: *Нестеренко В. А.* Українізація на Поділлі у 20-30-х роках ХХ сторіччя: основні напрями, наслідки, недоліки та особливості. Вид. 2-ге, доп. та виправл. Кам'янець-Подільський, 2003.

⁸⁵ См., напр.: *Мельниченко В. Е.* Раковский против Сталина. М., 1991; *Мельниченко В.* Християн Раковский: невідомі сторінки життя і діяльності. Київ, 1992; *Солдатенко В. Ф.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ, 2002; *Лозицький В. С.* Бунтівник. Життя і смерть Миколи Хвильового: іст.-біогр.-публіцист. нарис. Київ, 2009; и др.

⁸⁶ «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.

⁸⁷ *Рубльов О. С., Черченко Ю. А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-і рр. ХХ ст. Київ, 1994.

⁸⁸ *Литвин М. Р., Луцький О. І., Науменко К. Є.* 1939. Західні землі України. Львів, 1999.

⁸⁹ Там же. С. 144.

ные интересы украинского народа служили только прикрытием их политических расчетов⁹⁰. П. П. Брицкий же утверждает, что, несмотря на злодеяния сталинского режима, сам факт объединения украинских земель заслуживает позитивной оценки⁹¹. Вообще проблеме депортации и репрессий в украинской литературе уделяется значительное внимание⁹². Следует отметить, что украинские ученые уделяют большое внимание событиям на западноукраинских землях в 1939–1941 гг., однако они не рассматривают их в русле украинизационной политики большевистского руководства.

Следует заметить, что в современной историографии недостаточно трудов, в которых комплексно рассматривалась бы политика по «украинскому вопросу» как направление политики в области национальных отношений государств с полиэтническим населением в межвоенный период, не соотносятся украинизационные усилия правительств различных государств. До сих пор отсутствуют комплексные исследования политики в отношении украинцев, учитывающие происходящие изменения на восточноевропейском пространстве в целом. Проблема украинской политики рассматривалась в современной исторической науке лишь применительно к отдельным ее аспектам, в основном – к направлениям политики украинизации в УССР, не учитывая при этом общественную жизнь всей страны во всей ее сложности. Сосредоточенность на отдельных явлениях не позволяет оценить украинскую политику в восточноевропейском регионе во всей ее полноте и многогранности, проследить черты сходства и различия между политикой правительств различных государственных образований, например, украинизационными усилиями лидеров Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики, Украинской Державы, Карпатской Украины и политикой, проводимой в УССР или в Волынском воеводстве Польши.

Кроме того, малоизученными остаются проблемы внешнеполитического влияния на выработку национальной политики того или иного правительства, формирования общественного мнения в отношении политического курса государства, сочетаемости украинизации и интеграционной стратегии государства. В конечном счете изучение указанных аспектов поможет глубже изучить такую актуальную проблему современной науки, как выбор этнополитической стратегии в многонациональном государстве.

⁹⁰ Чоповський М. Ю. Голгофа Західної України (Злочинна діяльність окупаційних режимів проти населення західно-українських земель та його боротьба за волю і незалежність 1920–1953 рр.). Львів, 1996; Чоповський М. Ю. Криваві події на Західній Україні. Національно-визвольна боротьба на західноукраїнських землях в 1920–1953 рр. Львів, 1998.

⁹¹ Брицкий П. П. Україна у Другій світовій війні (1939–1945 рр.). Чернівці, 1995. С. 27.

⁹² См., напр.: Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: У 2 книгах. Київ, 1994; и др.

Источниковая база

Массивы источников по избранной нами проблематике весьма обширны. В первую очередь это относится к области советской украинизации. Много документов было опубликовано еще в период существования СССР – документы партийных и советских органов власти, а также отдельных государственных деятелей того времени. Прежде всего, это стенограммы партийных съездов, декреты советской власти, сочинения В. И. Ленина и И. В. Сталина и т. п., были изданы также сборники документов по отдельным направлениям партийной политики (как, например, культурное строительство⁹³, образование Союза ССР⁹⁴ и др.) и материалы, относящиеся к области внешней политики⁹⁵. Конечно, опубликованные в советский период документы представляют несомненный интерес для исследователя, но следует признать, что они далеко не в должной степени отражали подлинную картину национального и культурного строительства в межвоенный период. С началом перестройки в Советском Союзе ситуация стала меняться, и с конца 1980-х гг. стали появляться публикации ранее неизвестных исследователю документов. Первоначально интересные материалы были опубликованы в «Известиях ЦК КПСС»⁹⁶, а постепенно, с течением времени стали появляться и самостоятельные сборники документов⁹⁷. Интересные сборники документов увидели свет в издательстве РОССПЭН, среди них стоит отметить публикацию неизвестных ранее широкому кругу читателей архивных материалов, посвященных советской национальной политике⁹⁸, Коминтерну⁹⁹, а также украинскому национализму¹⁰⁰. Активная публикаторская работа ведется и на Украине. Много сборников появилось по национальной политике в УССР¹⁰¹, были изданы документы по истории Буковины¹⁰², Карпатского региона¹⁰³, польско-украинским отношениям¹⁰⁴.

⁹³ См., напр.: Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: збірник документів у 2 т. Т. 1: 1917 – червень 1941). Київ, 1959.

⁹⁴ См., напр.: Образование Союза Советских Социалистических Республик: сб. документов. М., 1972.

⁹⁵ Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. М., 1955; Документы внешней политики СССР. Т. 1-21. М., 1959–1977; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1–6. М., 1957–1964.

⁹⁶ Так, для нашей темы интерес представляют: Из истории образования СССР: документы и материалы о работе комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму ЦК партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191–219; «Ильич был тысячу раз прав» (Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б) в июле-августе 1923 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 192–207.

⁹⁷ Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9-12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992; *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999; И. В. Сталин и Л. М. Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001; «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): в 10 т. Т. 1–9. М., 2001–2013; Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг.: в 5 т. М., 2000; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002; Историю – в школу: создание первых советских учебников. М., 2008; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.

⁹⁸ Политическое руководство Украины 1938–1989: сборник документов. М, 2006; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. док. в 2 тт. Т. 1: 1918–1933. М, 2005; Т. 2: 1933–1945. М., 2009.

⁹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: сб. док. М., 2004.

¹⁰⁰ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: сборник документов. В 2 тт. М., 2012.

¹⁰¹ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. У 2 ч. Київ, 1997; Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали. Київ, 2005; Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. Київ, 2012; Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1. 1939–1953. Київ, 1995; Історія Національної академії наук України (1934–1937): документи і матеріали. Київ, 2003; Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. Київ, 1992; Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. У 2 т. Київ, 1997; Західно-Українська Народна Республіка. 1918–1923. Документи і матеріали: у 5 т., 8 кн. Івано-Франківськ, 2001–2013; Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 рр.: Док. і матеріали. У 2 т. Київ, 2006. Однако самое большое количество сборников посвящено голоду 1932–1933 гг. Среди публикаций стоит выделить: Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. Київ, 2007. Стоит заметить, что украин-

В настоящее время существует также большой массив неопубликованных архивных материалов, не привлекавшийся ранее к исследованию. Прежде всего, это материалы руководящих органов ЦК КП(б)У, хранящиеся в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины, в Центральном государственном архиве высших органов власти Украины, а также в российских архивах – в Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном архиве Российской Федерации, в Российском государственном военном архиве.

Документы официальных органов власти дополняют статьи политических лидеров, опубликованные в газетах, журналах и отдельными изданиями, материалы периодической печати, а также мемуары и дневники политических и общественных деятелей. Их авторами являются как советские деятели – Л. М. Каганович¹⁰⁵, Е. Б. Бош¹⁰⁶, так и лица, далекие от большевиков: В. И. Вернадский¹⁰⁷, П. П. Скоропадский¹⁰⁸, И. Кедрин¹⁰⁹, В. Шандор¹¹⁰, А. А. Гольденвейзер¹¹¹, А. И. Деникин¹¹², Н. М. Могиланский¹¹³, А. С. Мартынов¹¹⁴, С. А. Ефремов¹¹⁵, Т. М. Кардиналовская¹¹⁶, И. Майстренко¹¹⁷. Привлечение воспоминаний позволяет реконструировать общую картину событий, проследить личностное отношение к украинизации, ее интерпретацию разными по политическим убеждениям лицами.

Использование такого широкого круга источников поможет реконструировать целостную картину политики различных государств отношении украинцев, позволяет выявить механизм принятия решений в области национального строительства, степень конкретного участия центральных и местных органов в этой политике, формы и методы контроля за конкретной работой украинских политических деятелей, роль субъективного фактора в политике. Анализ существующей историографии выявил необходимость раскрытия сущности украинской политики в восточноевропейском регионе, рассмотрения ее на широком общеполитическом фоне, с учетом внутренней и внешней политики государства, особенностей экономического, соци-

ские специалисты традиционно много внимания уделяют этой проблеме, однако они отнюдь не являются монополистами в данной области. В издательстве РОССПЭН вышли две подготовленные российскими специалистами многотомные публикации о положении в советской деревне: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 тт. М., 2000–2012; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939: в 5 тт. М., 1999–2006.

¹⁰² Буковина 1918–1940 рр.: зовнішні впливи та внутрішній розвиток: Матеріали і документи. Чернівці, 2005.

¹⁰³ Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 рр. XX ст.». Ужгород, 2007; Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. Ужгород, 2009; Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 1. (1919–1929). Івано-Франківськ, 2012; Т. 1. Кн. 2 (1929–1939). Івано-Франківськ, 2014.

¹⁰⁴ Україна – Польща 1920–1939 рр.: З історії дипломатичних відносин УСРС з Другою Річчю Посполитою: Документи і матеріали. Київ, 2012; Юзевський Г. Замість щоденника // «Роде наш красний...» Волинь у долях краян і людських документах. Т. 2. Луцьк, 1996. С. 195–211.

¹⁰⁵ Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996.

¹⁰⁶ Бош Е. Б. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М., 1925.

¹⁰⁷ Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. Киев, 1994; Вернадский В. И. Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11–12. С. 5–44.

¹⁰⁸ Павло Скоропадський. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995.

¹⁰⁹ Кедрин І. Життя – події – люди. Спомини і коментарі. Нью-Йорк, 1976.

¹¹⁰ Шандор В. Спомини. Т. 1: Карпатська Україна 1938–1939. Ужгород, 1995.

¹¹¹ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 7–63.

¹¹² Деникин А. И. Гетманство и Директория на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 136–185.

¹¹³ Могиланский Н. М. Трагедия Украины // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 115–135.

¹¹⁴ Мартынов А. С. Мои украинские впечатления и размышления. М.; Пг., 1923.

¹¹⁵ Ефремов С. О. Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997.

¹¹⁶ Кардиналовская Т. М. Жизнь тому назад. Воспоминания. СПб., 1996.

¹¹⁷ Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985.

ального и политического развития Восточной Европы в каждый конкретный отрезок времени. Только таким путем возможно преодолеть устоявшиеся стереотипы в оценке украинизации и избежать подмены исторической действительности стандартным набором идеологических клише.

Глава 1

Распад Российской империи и Австро-Венгрии и украинская политика новых национальных государств

§ 1. Накануне глобальных перемен

В начале XX в. земли современной Украины входили в состав двух империй – Российской (территории на левом и правом берегу Днепра и в Причерноморье в составе Юго-Западного края, Малороссии и Новороссии) и Австро-Венгерской (Закарпатье, Восточная Галиция и Северная Буковина). При этом большинство предков современных украинцев проживало в Российской империи, в связи с чем деятелями украинского национального движения эти земли именовали также Большой Украиной. Для обозначения восточнославянского населения определенной территории Российской империи, преимущественно на левом берегу Днепра, в начале XX в. использовалось понятие «малоросс». В официальной трактовке малороссы, наряду с великороссами и белорусами, представляли собой часть триединой русской нации. Подобная идентификация населения юго-запада европейской части Российской империи хотя и поддерживалась большей частью образованного общества, однако не была единственной. Малороссийству как локальной форме общерусской идентичности противопоставлялась идентичность украинская, сторонники которой отрицали общерусскую концепцию и настаивали на самостоятельности украинского – не малороссийского – народа. Между последователями обеих концепций велась активная полемика, на страницах периодических изданий шли ожесточенные споры о языке, литературе, национальном характере, этническом происхождении малороссов/украинцев¹¹⁸. В первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержался пункт о родном языке и вероисповедании, именно эти сведения в современной науке используются для выводов об этническом составе населения Российской империи. Данные о малороссах обычно трактуются как характеризующие состав украинского населения Российской империи, дабы соотнести этнические наименования прошлого и настоящего. Итак, согласно переписи 1897 г., на правом и левом берегах Днепра и степной Украине проживали не только украинцы/малороссы (73 %), но и великороссы (12 %), евреи (8 %), а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7 %)¹¹⁹. При этом к крестьянскому сословию относилось 93 % всех украинцев/малороссов, тогда как среди городского населения последние составляли всего 30 %¹²⁰. При этом чем меньше был город, тем выше был процент в нем украинского населения: в городах с числом жителей от 2000 до 15 000 украинцы составляли около 50 % населения, тогда как в крупных (свыше 100 000) – лишь 17 %¹²¹. Русское население проживало в основном в городах (34 %), где вместе с евреями (27 %) оно составляло большинство населения¹²².

Другой особенностью являлось непропорциональное расселение по регионам Украины (в ее современных границах) представителей различных национальностей. Как правило, украинцы жили в губерниях, в наименьшей степени затронутых индустриализацией и урбанизацией, тогда как половина русского населения проживала в промышленно развитых реги-

¹¹⁸ См. подробнее: Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 122–283.

¹¹⁹ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. Київ, 1997. С. 20.

¹²⁰ Там же. С. 25, 40.

¹²¹ Там же. С. 28.

¹²² Там же. С. 27.

онах (Екатеринославский, Таврический, Херсонский, Харьковский, Киевский)¹²³. Основным слоем, сохранявшим национальную самобытность, было крестьянство. Специалист по национально-социальным проблемам развития украинского общества в XX в. Б. Кравченко даже считает, что до революции и в первые годы после нее определение «украинский» было синонимично определению «крестьянский»¹²⁴. Национальная идея находила поддержку преимущественно среди интеллигенции (имеется в виду та ее часть, которая ощущала себя украинской, ведь на Украине интеллигенция была большей частью русской). Численность украинской интеллигенции оставалась небольшой¹²⁵: Б. Кравченко объясняет это тем, что украинская интеллигенция пополнялась в основном за счет выходцев из крестьян, хотя первое ее поколение в основном сформировалось из рядов мелкого дворянства. Преобладание мелкого крестьянства на Украине вкупе с русскоязычной системой образования привело к тому, что «украинская интеллигенция составляла крохотный слой населения»¹²⁶. Сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация в России в период Первой мировой войны, а затем революции и войны Гражданской приводили к обострению социальных и национальных проблем. С течением времени «украинская идея» приобретала все большую популярность и использовалась различными политическими силами для достижения собственных целей – в первую очередь создания украинского национального государственного образования. Так, на выборах в местное самоуправление, проведенных на Украине летом 1917 г., позиция украинских партий была еще не очень стабильной. Только в 5 из 20 произвольно выбранных пунктов украинские партии добились перевеса (Миргород, Конотоп, Елисаветград, Ромны, Лохвица) и еще в пяти (Харьков, Полтава, Чернигов, Черкассы, Проскуров) – завоевали треть голосов. В Киеве же украинские партии завоевали только 20 % мандатов, в Екатеринославе – 10 %, в Одессе – 4 %¹²⁷. В то же время в конце ноября – начале декабря 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, украинские социал-демократы и эсеры добились явного перевеса и завоевали 75 % голосов¹²⁸.

До 1917 г. доминирующую роль играло либерально-демократическое крыло интеллигенции, ориентированное в первую очередь на национально-культурную автономию для Украины. Хотя основные политические партии на Украине и выдвигали в качестве перспективы требование национально-территориальной автономии, до 1917 г. они не играли ведущей роли. Только после февральских событий известный украинский ученый и политический деятель, возглавивший Центральную Раду, М. С. Грушевский настаивал на необходимости перехода от культурно-просветительских требований к политическим, т. е. к лозунгу национально-территориальной автономии Украины в составе федеративной России¹²⁹. И только под воздействием бурных событий войны и революций, особенно октябрьской 1917 г., политический расклад существенно изменился. Слабость либерального центра компенсировалась усилением леворадикальных тенденций. Как уже говорилось, в 1917 г. усилились позиции украинских национальных партий, зачастую имевших социалистическую окраску¹³⁰. Так, в Центральной Раде, созданной после Февральской революции, были представлены Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская социал-демократическая рабочая партия и Украинская

¹²³ Там же. С. 19.

¹²⁴ Там же. С. 40.

¹²⁵ Там же. С. 58.

¹²⁶ Там же. С. 57–58.

¹²⁷ *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 58.

¹²⁸ *Резніт О. П.* У робітнях історичної науки. Київ, 1999. С. 71.

¹²⁹ *Історія України. Нове бачення.* У 2-х т. Т. 2. Київ, 1996. С. 6.

¹³⁰ *Булдаков В. П.* Феномен революционного национализма в России // *Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений.* М., 1999. С. 204.

партия социалистов-федералистов¹³¹. В дальнейшем, под воздействием революции и Гражданской войны, эти партии не один раз пережили расколы и преобразования.

Сложившейся ситуацией воспользовались большевики. Общедемократическое требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903 г., было важным тактическим шагом, в немалой степени определившим успехи во внутривнутриполитической борьбе. В программе партии провозглашалось равноправие граждан независимо от пола, религии, расы и национальности, оговаривалось право получать образование на этом языке, использовать его в собраниях и даже право его введения наряду с государственным во всех учреждениях.

¹³¹ *Рейнт О. П.* У робітнях історичної науки. С. 34–36.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.